

ЖИВАЯ ПРОЗА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

РОССИЙСКИХ

ПИСАТЕЛЕЙ

АНАТОЛИЙ МАЛКИН

ВСЕ АНГЕЛЫ ЖИВУТ ЗДЕСЬ

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Оформление серии – *Петр Петров*

Иллюстрация на обложке – *Арина Обух*

В оформлении переплета использовано
фото из архива автора

Малкин, Анатолий Григорьевич.

М19 Все ангелы живут здесь : [сборник повестей] / Анатолий Малкин. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 352 с. – (Живая проза. Произведения современных российских писателей).

ISBN 978-5-699-95926-6

Анатолий Малкин – один из немногих, кто отваживается сегодня писать о любви, не боясь при этом ни откровенности, ни трагизма, ни собственной авторской и человеческой беспомощности. Сборник его новых повестей – опасная и виртуозная игра с читателем. Повести Малкина показывают, каким может быть прозаический текст в руках опытного кинематографиста, для которого удерживать внимание аудитории – основа профессии. Впрочем, профессионализм никогда не мешает Малкину быть непосредственным и свободным в проявлении своих чувств. Поэтому к героям его произведений читатели испытывают не только уважительные, но и братские чувства.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Малкин А., текст, 2017

© Обух А., иллюстрация на обложке, 2017

ISBN 978-5-699-95926-6

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ВСЕ АНГЕЛЫ ЖИВУТ ЗДЕСЬ

Еще совсем маленьким Илья Зимин все старался понять, как он думает, стремился поймать начало мысли, но не мог ощутить этого движения. Очень мучился этим и вообразил, что и не думает вовсе. Но когда книг читался, слов наслушался и вырос — заговорил и сразу успокоился. Но всегда знал, что именно потому, что так пристально вглядывался в глубину своего мозга, и смог заставить его начать стараться.

STRANGERS IN THE NIGHT EXCHANGING
WONDRING IN THE NIGHT WHAT WERE
THE CHANCES¹

Но в остальном он себе не нравился.

Сколько ни рос, совсем не менялся — с самого раннего возраста проявилась в нем суч-

¹ Странники в ночи, случайные взгляды
Призрачны в ночи, пока ночь не прошла. (Пер.
песни Ф. Синатры «Strangers in the night».)

ная определенность, и в зеркале он всегда видел лицо взрослого, чуть ли не сорокалетнего человека. Что бы он на себя ни нацепил, какой бы бородой ни завесился, узнавали его сразу — давно потерянные памятью люди подходили к нему и всегда ахали, как он совсем не изменился, и тут же начинали жадно рассказывать ему про себя, не отставали долго. Зимин лишь мученически кивал им в ответ и смущался, потому что не помнил многих — у него со зрительной памятью, с памятью на имена и фамилии всегда было плохо. Если честно, он не понимал, как с такими недостатками ему удалось пробиться в жизни. В официальной советской жизни пахал, как каторжный, рисуя тонны иллюстраций для книжек Детгиза, и так зарабатывал на свой кусок хлеба. Все остальное время кропал потихоньку картины у себя в мастерской, почти никому не показывая, а когда все-таки выставил их, то был раздавлен оглушительным успехом и совсем запутался в самооценке.

SOMETHING IN YOUR EYES WAS SO INVITING
SOMETHING IN YOUR SMILE WAS SO
EXCITING¹

¹ Что-то в твоих глазах приглашало меня, Что-то в твоей улыбке взволновало меня. (Пер. из песни *Ф. Синатры*.)

И с любовью у Зимина тоже не случилось.

Встреч, особенно по молодости, было много разных, но заканчивались они одинаково — невозможной рутинной и скукой. Наверное, он и не умел любить — не научили папа с мамой, которые вечно ссорились и никогда при нем не целовались. А любить-то хотелось. Не хотелось считать любовью все то, что приходило с желанием. Не хотелось думать, что он урод бесчувственный.

И так тоскливо бывало ему, что, абсолютный женолюб, он даже обдумывал возможность все изменить. Кардинально.

Вон сколько вокруг счастливых мужских пар появилось, может, в этом и есть современное развитие любви? Когда взаимопонимание и взаиморастворение находишь лишь в похожем на тебя существе?

Но так и не смог вообразить, как же это все могло бы у него получиться.

SOMETHING IN MY HEART
TOLD ME I MUST HAVE YOU¹

С возрастом и, главное, с опытом Зимин, конечно, понял, что настоящая любовь — большая редкость и что души нынешних женщин на ее волну не очень-то настроены. Они легко

¹ Что-то в моем сердце сказало мне, что ты должна быть у меня. (Пер. песни *Ф. Синатры*.)

заменяют ее сексом, потому что секс не требует никаких обязательств от сердца. Поэтому, когда все заканчивалось, он мучительно хотел остаться один. А ведь на самом-то деле хотелось не хотеть так. Хотелось лежать рядом в темноте и разговаривать о простом и понятном и совсем не торопиться, ни до, ни после.

Нормальная любовь — все-таки великая вещь. Даже если ее и отберут потом болячки или какой-нибудь молодой хрен. Она могла бы стать для него настоящим подарком судьбы.

Зимин мучился во сне, ворочаясь и затихая, и сам не понимал, про кого думает его голова. Откуда в ней вылезают его давние страхи и сомнения?

STRANGERS IN THE NIGHT,
TWO LONELY PEOPLE
WE WERE STRANGERS
IN THE NIGHT UP, IN THE MOMENT¹

Это он — путник в ночи? Что это значит? И что эта музыка — такая дивная, — от которой внутри так сладко холодеет?

Глаза вдруг открылись сами собой, он высунул нос из-под одеяла и услышал музыку — она

¹ Незнакомцы в ночи, два одиноких человека, мы были незнакомцами и наслаждались этим моментом. (Пер. песни Ф. Синатры.)

доносилась из мастерской. Видимо, вчера оставил там включенную «Спидолу».

Он очень любил красивые старые вещи. И мастерскую обставил мебелью, которую приволок с помоек. В семидесятые москвичи, как сумасшедшие, выбрасывали фамильные, резные, мореного коричневого дуба или солнечной карельской березы комоды, книжные шкафы и этажерки, меняя красоту невозможную на хлипкие, тонконогие румынские, чешские или польские модные поделки — меняя окончательно свою жизнь. Кстати, тогда он и жить в мастерскую перебрался — в новые времена проверяющих можно было не бояться — любая проблема решалась количеством шуршиков в кармане. Освободил от картин и скульптур дальнюю, под крутым скатом крыши, часть мастерской, устроил там холостяцкую квартиру очень даже уютную и зажил. А что, удобно, все рядом — работа, постель, еда.

Да и встречи, когда они случались, тоже перевел сюда — квартиру в Последнем переулке продал сразу, как оформил мастерскую в собственность.

Бархатный голос Синатры так властно и гулко заполнил темноту спальни, что вдруг показалось: его разбудили не на московском бульваре, а в каком-то роскошном пространстве, на отчаянной высоте стеклянных нью-йоркских шпилей, дерзко проткнувших темный

воздух над Манхэттенем. Первый раз услышал голос этот еще на «костях» — так назывались самодельные пластинки, которые в его юности делали из гибкой пластмассы для использованных рентгеновских снимков. И тоже ночью, перед выпускным балом, почти сорок лет назад, вдруг придумал новые, как казалось ему тогда, прекрасные слова на эту мелодию, и все ради нее, ради Ксении.

Сегодня непременно сказали бы, что в ней видна порода — хотя была она из самого, что ни на есть, нижнего слоя жизни и в школу приходила из каких-то улиц, где стояли мрачные бараки, в которых жила ее семья. А вот поди ж ты — что и откуда берется — чуть припухлый точеный нос с явной французской горбинкой, словно светящаяся изнутри розовым прозрачная кожа и как-то по-необыкновенному выстриженные волосы, летевшие волной вокруг стройной шеи. В зеленых, очень спокойных глазах он мечтал и боялся утонуть.

К большому изумлению всех, кто знал его застенчивую и скрытную натуру, на выпускном вечере вышел на сцену и спел песню, как разучил дома — негромко, но очень чисто. Глядя на нее.

Жизнь, как океан, а люди — волны,
что-то нас зовет, а мы не помним,
кто-то ищет, а мы не знаем кто,

детство далеко — и не догонишь,
юность — позади, не остановишь,
что-то впереди и нас зовет людей.

На чистом оркестровом проигрыше Илья Сергеевич набросил на плечи халат, но тапочки найти не смог в темноте и пошлепал босиком по деревянному полу, туда, где на подоконнике, под большим панорамным окном, светилась желтым шкала радиоприемника.

Время нам дано — его так много, много,
Время нам дано — его так мало, мало.
Жизнь у нас одна, жизнь у всех — одна,
А что оставишь людям ты в наследство?..

И вдруг услышал смех, который доносился со скамеек на бульваре, и вспомнил, как смеялись над ним на школьном выпускном, и вместе со всеми смеялась и она. Даже на деревянном полу босым ногам было холодно, и он плеснул в стакан коньяка — еще до глупой молдавской войны вывез из Тирасполя ящик пятидесятилетнего тягучего и горьковатого «Суворова», вкус которого напомнил ему тот, что появился у него тогда на сцене. И потом не покидал, пока не попал в больницу, где навсегда лишился желчного пузыря.

Когда пришел в школу за аттестатом — там было пусто, пахло дезинфекцией и пылью, ребята уже разъехались кто куда. Исчезла и она.

Ему бы смириться и понять, что жизнь — бургристая и всегда норовит так захватить, чтобы побольнее вышло, чтобы защитные мозоли на душе набились. А он кинулся ее искать. И выходил себе на погибель — нашел на Манежной, около иныза, в толпе взбаламученной абитуры. Чтобы быть поближе, тоже кинулся поступать, но пролетел на сочинении. К счастью, пролетел. Потому что в один из дней увидел ее рядом с седым высоким человеком, профессором чего-то мудреного, типа структурной лингвистики. Он властно обнимал ее за плечи, что-то объясняя с улыбкой, а она, совершенно сомлевшая от счастья, прижималась к нему тесно и согласенно кивала, заглядывая в его глаза.

Ушел оттуда Илья просто мертвым и долго, лет десять, обходил это место, словно зачумленное.

Но, видимо, связаны они были судьбой.

Лет через десять увидел ее в Мурманском аэропорту, когда возвращался домой после месяца этюдов в сопках. Всклоченного, загорелого до черноты, обросшего прямо кержацкой бородой, она его не узнала, да и смотрела она все больше на огромный свой живот. Бравый каплей суетился вокруг нее с водой, а она только мученически качала головой и все закрывала глаза, словно курица, когда ей становится страшно.

И в последний раз, уже на Тверской. Он сидел в кафе, прямо в уличной витрине, и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд — у стекла стояла женщина и не отрываясь смотрела на него. Узнал он ее не сразу. Есть лица, которые выглядят молодыми много лет, но стареют сразу, превращая кожу в пергамент. Узнал ее по движению — девочка Ксения, когда волновалась, всегда закладывала завиток волос за ухо.

Она села напротив, и он увидел, что глаза у нее тоже остались прежними — светлая зелень с карминовыми искорками. Болтали обо всем, что было с ними — плохого касались только чуть, чтобы не убить легкость момента. Просидели долго, до самого вечера. Когда зажгли свет, она вдруг запнулась и замолчала.

На стене, как раз за его спиной, висел ее портрет. Он написал его по памяти давно, сразу после первого расставания, а потом уж, когда стал знаменитым, повесил в этом кафе. Хозяин любил его картины и его любил видеть, а он любил приходить сюда.

И так длилось уже много лет, несмотря на дерьмовое время, которое не берегло память о прошлом. Но это место не менялось. Зимин думал, что это было из-за картины. На ней тоненькая девочка стояла под грибным дождем, в облепившем ее до самой последней косточки тонком платье, и смеялась, не отрывая взгляда от любого, кто начинал смотреть на нее.

- Так ты любил меня?
- Почему в прошедшем времени?
- Почему молчал?
- Разве нужно иначе?
- Да, конечно.
- Тогда, значит, не нужно.
- А я не знала.
- Посиди вот так пять минут, ладно? — И быстро сделал ее набросок на обратной стороне меню.
- Приходи сюда, когда сможешь, хорошо?
- Хорошо. — Может, как раз он и был ей нужен, но искала она среди смелых.

Потом она попрощалась и ушла, как всегда, не оглядываясь.

А вечером он узнал о страшной аварии на Ленинском. Какой-то отставной кагэбэшный генерал вылетел с осевой при обгоне и раздавил машину с двумя женщинами.

Зими́на словно ударило. Он точно знал, что это случилось именно с ней, словно его рисунок присвоил ее душу.

На похороны пришел после всех и долго стоял возле двойной фотографии — мамы и дочки, которая была похожа на его Ксюшу, словно две капли.

Крики и смех за окнами медленно удалялись куда-то в глубь бульваров, гулко отражаясь от стен сонных домов. До зари было еще долго, но разглядеть звезды на небе, замазанном отсве-

тами от вывесок, фонарей и подсветки домов, Зимину никогда не удавалось. Он теперь часто поднимался до рассвета, вроде бы к чему-то готовый, и подолгу разглядывал ночной город. Мастерская была так удачно расположена, что за окнами можно было увидеть две Москвы — с одной, дворовой стороны, была почти что саврасовская картинка, та, что про прилетевших грачей, — графика множества темных стволов тополей и грабов, а под ними, усеянные пятнами ржавчины, крыши, укрытые старой, давно не менявшейся жостью, и охристого цвета трехэтажные дома чьей-то городской усадьбы. С противоположной стороны окна выходили в мощный плиткой, почти европейский переулок — в Цюрихе, скажем, можно много найти таких же уголков — прямо на фасад какого-то банка, раскрашенный подсветкой в абсурдистские сине-розовые цвета.

На самом деле, когда ночью видишь множество темных окон в спящих домах, невольно начинаешь спрашивать себя, для кого горит в городе свет. Каким таким подслеповатым путникам в ночи освещает дорогу? И если мысль эту совсем довести до абсурда, тогда что вообще значит этот ночной праздник света, если мы — дневные животные?

Ноги снова стали зябнуть, и Зимин плеснул в стакан согревающей ноги и душу жидкости и отправился к портрету Ксении. После всего,